

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4655.

Воскресенье, 20-го іюня 1899 г.

№ 4655

Михаиль Михайловичъ Кужевниковъ,
предсѣдатель одес. комп. торг. и мануф.

Дмитрій Петровичъ Котляревскій,
старшина одес. кучеческаго сословія

Яковъ Александровичъ Новиковъ,
членъ строительной субъ-комиссіи биржи.

И. Н. Яловичевъ.

Ө. М. Штернъ.

А. О. Бернардацци. Ю. Х. Лемме.

Г. Ф. Лонскій.

Субъ-комиссія, завѣдывавшая постройкою зданія биржи.

† Е. М. В. герцогиня Э. Д. Лейхтенбергская.

ТРАЗЕЯ.

Разсказъ Э. Оржешно.

Окончаніе *).

— Глядя на этихъ звѣрей, грызущихся въ лужѣ изъ-за мѣднаго обода, я отталкивалъ ногой золотые таланты. Въ мѣрь, залитый моремъ разпущенныхъ излишествъ, нищета моя бросила презрѣніе въ лицо богатству. На лицѣ моемъ была радость и спокойствіе, я указывалъ на счастье въ ломотяхъ тѣмъ, которые находили его только въ тирскомъ пурпурѣ. У меня было много учениковъ, не у одного изъ нихъ, я выкинулъ изъ головы гордость, и изъ груди вырвалъ развратныя вожделѣнія. Въ храмѣ пьянаго Пана, божка матеріальной природы, я соорудилъ статую достойной человѣческой души. Не буду, Тразея, подкрѣплять тебя рѣчью о непонятныхъ богахъ, но скажу только то, что доступно моему и твоему разуму: тамъ, гдѣ не было людей, я

былъ человѣкомъ. Когда изъ твоихъ жилъ будутъ исчезать послѣдніе остатки крови, думай такъ о себѣ.

Въ то время, когда Деметрій это говорилъ, черты умирающаго, за минуту перелъ тѣмъ взволнованныя, приняли выраженіе такого наслажденія, съ какимъ человѣкъ слушаетъ звуки, вторяющіе внутреннимъ голосамъ его души. Однако волны раздумья все еще пробѣгали по блѣдному челу, а въ глазахъ отражались неудовлетворенные запросы.

— Ты утѣшилъ меня, Деметрій. Умирая, я увижу статую достойной человѣческой души, поставленную тобою и мною въ храмѣ пьянаго Пана, божка матеріальной природы. Но человѣкъ, хотя-бы даже величайшій, проходитъ, какъ тѣнь, и умолкаетъ, какъ эхо. Я хотѣлъ-бы, чтобы душа моя не исчезла безсѣдно. Впрочемъ, ты признался въ своемъ невѣдѣніи относительно существованія или несуществованія боговъ, поэтому напрасно спрашивать тебя, безсмертна-ли моя душа или нѣтъ.

— Напротивъ, Тразея, умирай съ мыслью, что душа твоя безсмертна.

Глаза осужденнаго раскрылись шире. Лег-

кая ироническая усмѣшка снова заиграла на губахъ, подергивающихся судорогой.

— Знаю, Деметрій, что ты не будешь мнѣ рассказывать ни о черномъ Стиксѣ, ни о переплывающей черезъ него лодкѣ Харона. Ты вѣдь не укажешь мнѣ на бѣдныя тѣни, блуждающія по берегамъ рѣки забвенія, и мѣста среди нихъ мнѣ не назначишь. Но скажешь, что я, подобно Энею, опущусь въ адъ и принесу мой привѣтъ душамъ отцовъ моихъ, или что трехголовый Церберъ залазетъ на меня, и я предстану на судъ къ невозможнымъ Миносу и Радманту. Знаешь хорошо, что я не такъ глупъ, чтобы вѣрять такимъ баснямъ, и если-бы объ этомъ, а не о чемънибудь другомъ, мнѣ хотѣлось слушать, я, вмѣсто тебя, позвалъ-бы къ своему ложу смерти пару авгуровъ. Они бы мнѣ многое повѣдали объ этихъ вещахъ, а за порогомъ, поглядѣвъ другъ другу въ глаза, приснули-бы со свѣху.

Деметрій съ минутой улыбкою, затѣмъ ласково началъ говорить:

— Есть люди, которымъ душа кажется сердцемъ. Иные говорятъ, что она — дыханіе. Зенонъ изъ Китіума утверждалъ, что душа міра — огонь, Аристоксенъ считалъ ее гармоніей внутреннихъ струнъ, Пифагоръ — числомъ, Аристотель — безпрестаннымъ движеніемъ, Платонъ подраздѣлялъ ее на три части: разумъ въ головѣ, гнѣвъ въ груди, вожделѣніе въ чревѣ. Божественный Платонъ боже всѣхъ былъ близокъ къ истинѣ, но онъ долженъ былъ упомянуть не только о разумѣ, гнѣвѣ и вожделѣніи. Всѣ мысли и чувства твои, Тразея, были твоей душой, а слова и поступки ея дыханіемъ.

Онъ замолкъ на минуту, и все кругомъ молчало. Даже журчаніе фонтана какъ бы затихло за стѣной изъ палмъ и платановъ; розовыя облака поблѣднѣли на небѣ, исчезъ блескъ колоннъ, а въ спускающемся на перпетиль сумракѣ, въ ищѣмъ ненарушаемой тишинѣ снова зазвучалъ надъ головой осужденнаго одинъ только ласковый и глубокой голосъ философа:

— Тебѣ известно, Тразея, ученіе Эпикура объ атомахъ матеріи, которые, вѣчно пара по безконечнымъ пространствамъ, создаютъ постоянно все новые міры и существа. Звѣзда, металл, растение, звѣрь и человѣкъ являются слѣпками безконечнаго числа атомовъ, изъ которыхъ каждый безсмертенъ, такъ какъ послѣ разъединенія они снова соединяются въ другія формы и никогда не гибнутъ. Таково царство матеріи, къ которому принадлежитъ твое тѣло. Какъ горсть песку, поднятая дуновеніемъ вѣтра, оно разсѣется въ безконечномъ пространствѣ, а составляющіе его атомы проникнутъ, быть можетъ, въ шелковую твою лещетку или подлынутъ въ каплю воды въ ручѣ, или въ видѣ пара полетятъ въ голубой эфиръ, замигаютъ въ пламени свѣтъильника, блеснутъ въ амазахъ, вырастутъ изъ земли колосомъ пшеницы, отвердѣютъ въ шерсть звѣря, выйдутъ снова на свѣтъ во взорѣ новорожденнаго младенца, или священнымъ огнемъ запылаютъ въ мозгу зрѣлаго мужа. Все это я рассказываю тебѣ о царствѣ матеріи. Но рядомъ съ нимъ существуетъ также царство душъ. Чувства и мысли — это атомы души человѣка; они такъ же, какъ и тѣ, ноторыя составляютъ его тѣло, никогда не гибнутъ, не соединяются съ атомами другихъ душъ и создаютъ все новые міры.

Мудрость, знаніе, добродѣтель, героизмъ, гармонія суть слѣпки безконечнаго числа атомовъ, улетѣвшихъ изъ человѣческихъ душъ. Въ формѣ пламени, раздѣленнаго на множество огней, въ формѣ волны, преобразившейся въ пѣну,

жизни! Я не лѣчусь и совѣмъ не знаю, чѣмъ наполнить свое время, и это вмѣстѣ съ дикимъ видомъ страны наводитъ на меня тоску.

Утромъ я сплю до десяти часовъ; потомъ, пока Пьеръ беретъ ванну и душъ, я гуляю въ горахъ или по берегу рѣки. Въ полдень мы завтракаемъ въ большой залѣ кургауза. Во все время завтрака играетъ очень шумная музыка. Когда хочешь спросить хлѣба, то надо кричать, чтобы тебя услышали. Въ четыре часа Пьеръ опять беретъ душъ и немного спитъ, потому что это утомляетъ его. Я же въ это время для разнообразія гуляю въ горахъ. А въ семь часовъ мы обѣдаемъ въ большой залѣ, и снова для разнообразія играетъ музыка. Вечеромъ мы съ часъ смотримъ, какъ танцуютъ, и потомъ идемъ спать. Что это за жизнь!.. А я то думала въ самыхъ нѣдрахъ Тироля встрѣтить что нибудь неожиданное...

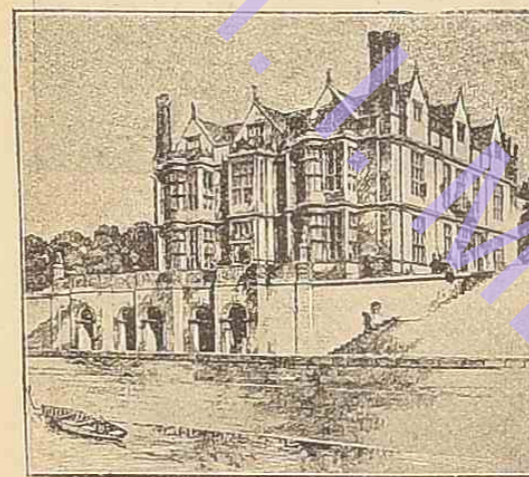
(Окончаніе слѣдуетъ).

Собачьи скачки въ Берлинѣ.

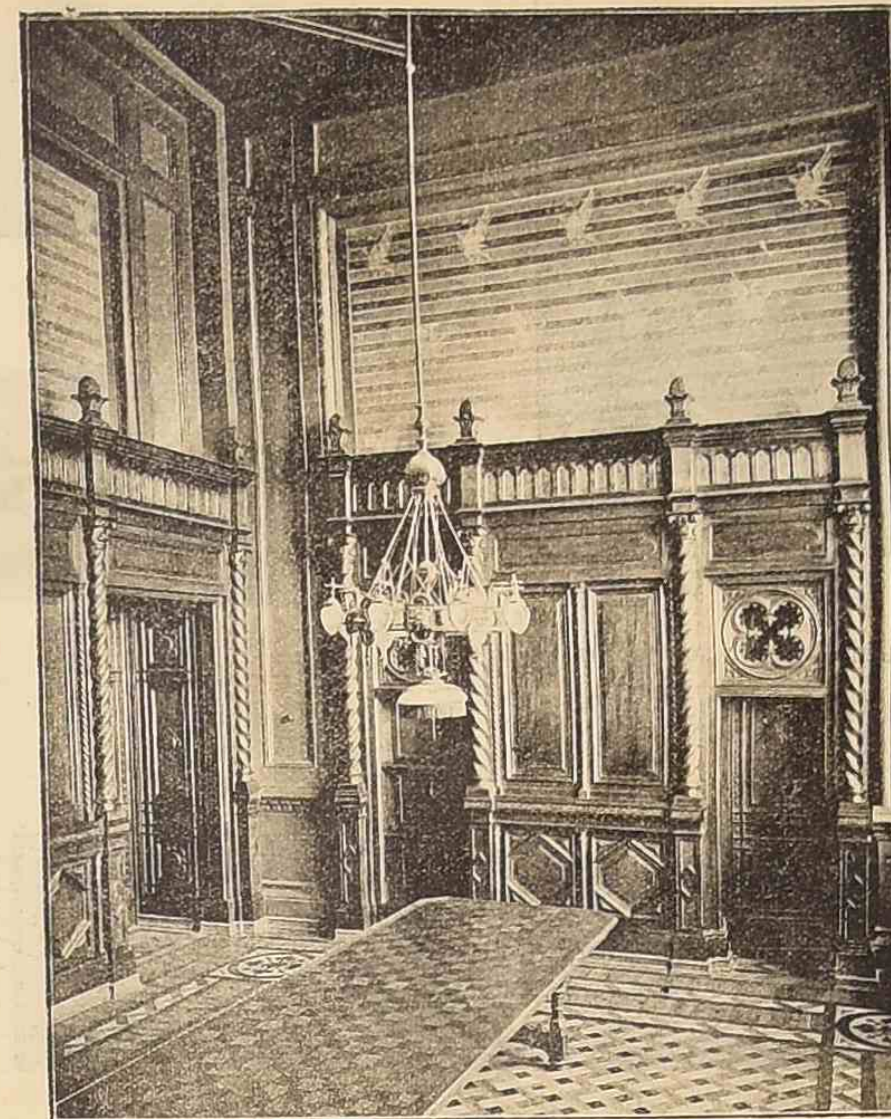
(Къ рисунку).

Нѣмцы усвоили себѣ теперь новый видъ спорта, вывезенный изъ Франціи — «собачьи скачки». Какъ и для всѣхъ видовъ спорта, придумано оправданіе и для этой спортивной повннки: оюощрятся, видите ли, развитіе въ собакахъ качествъ, необходимыхъ для несенія ими военной и военно саптарной службы. Важно въ этихъ дѣлахъ развитъ въ собакахъ особое повнповеніе и «отзывчивость на кивчкъ».

Стартуютъ чемпионы этого спорта въ лицѣхъ, изъ котораго ихъ по данному сигналу выпускаютъ. Впрочемъ, допускается и другая форма старта: «пикеры» по сигналу спускаютъ собакъ съ дѣли. Въ другомъ концѣ бѣгового поля располагаются хозяева собакъ, свистками и кивками призывающіе къ себѣ собакъ. Выигравшей считается, конечно, та собака, опередившая другихъ. Устраиваются и барьерныя скачки. Особенно любопытны собачьи «стипль-чезы»; барьеры увѣнчиваются тогда сосисками, ветчиной и другими собачьими соблазнами. Рѣдная собака не «закидывается» у этихъ соблазнахъныхъ барьеровъ. Тѣмъ щедрѣе награждается прошедшая

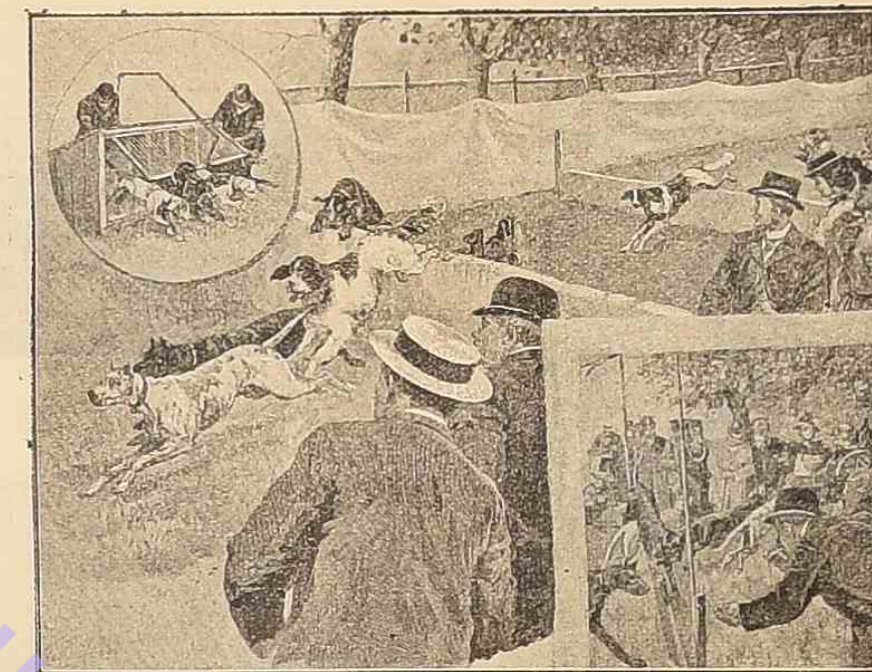
Британскій павильонъ на парижской выставкѣ 1900 г.

Ком. торговли и мануфактуръ.

(Со снимка А. Горнштейна).

искусъ. «Да! не легко и собакамъ теперь достается жизнь», — замѣчаетъ нѣмецкій журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія.

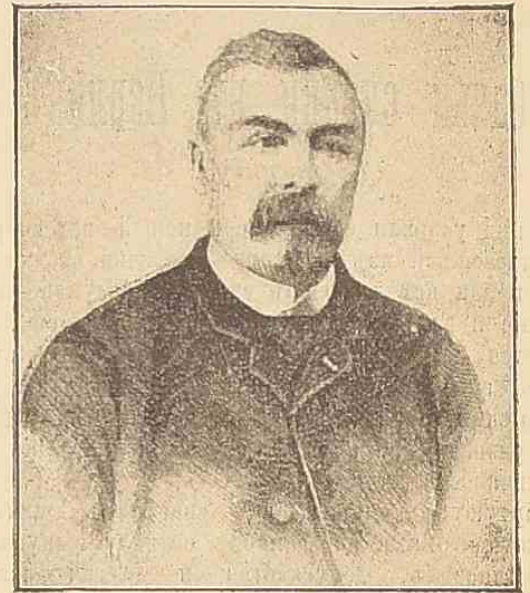
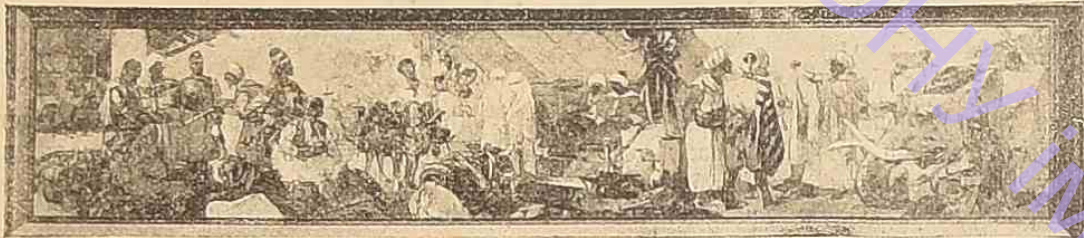

Собачьи скачки въ Берлинѣ.

*) См. «Одес. Нов.» № 4648.

Полк. Карьеръ, правит. комиссаръ.
Дѣло Дрейфуса въ Реннѣ.

Кап. Жанье, докладчикъ.
Дѣло Дрейфуса въ Реннѣ.

Г. Папиль, секретарь суда.
Дѣло Дрейфуса въ Реннѣ.

Канно Ж. Ж. Каразина для стѣхъ главнаго зала биржи.